

Н. А. Бабий

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Статьи Уголовного кодекса (далее – УК), предусматривающие ответственность за насильственные преступления, многочисленны. Не менее многочисленны и проблемы законодательного описания признаков таких преступлений, что неизбежно вызывает трудности в правоприменительной практике.

Одной из проблем криминализации психического насилия является разноречивость, существующий в вопросах определения круга ставящихся под угрозу интересов потерпевшего и его близких. Основными объектами, причинением вреда которым угрожают принуждающие лица, являются жизнь, здоровье, собственность, честь, достоинство и тайна личной жизни. Обращает на себя внимание, что выбор конкретных объектов произведен произвольно, а описание грозящего вреда произведено бессистемно.

Угроза причинением вреда жизни, здоровью или личной неприкосновенности может быть выражена: в одних случаях просто угрозой; в других случаях – угрозой применением насилия; в третьих – применением насилия, опасного для жизни и здоровья; в четвертых – угрозой убийством и насилием; в пятых – угрозой убийством, причинением тяжких телесных повреждений.

Угроза причинить вред собственности выражается в большинстве случаев угрозой уничтожением или повреждением имущества, однако указывается и на угрозу уничтожением имущества общеопасным способом, и на угрозу изъятием имущества.

Грозящий чести, достоинству и тайне личной жизни вред также определяется различно: в одних случаях это распространение клеветнических сведений и оглашение сведений, которые потерпевшие желают сохранить в тайне; в других – распространение сведений, способных причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких; в третьих – просто шантаж. Последний вид угрозы вообще законодательно не определен.

Кроме этого, отдельные категории потерпевших охраняются от причинения и иного вреда: ущемления прав, свобод и законных инте-

ресов; ущемления прав и законных интересов; совершения иных незаконных действий.

Ограничившись указанными объектами и способами причинения вреда, законодатель, очевидно, посчитал, что угроза причинением вреда иным объектам и иными способами не может являться психическим насилием. Но так ли это?

Угроза причинением физического вреда в большинстве случаев конкретизируется через указание на угрозу убийством или причинением телесных повреждений. Но разве менее опасной является угроза незаконным лишением свободы? А угроза похищением человека? И если названные виды угроз еще охватываются случаями указания на угрозу насилием, то даже эти случаи не охватывают, например, угрозу заражением СПИДом, венерическими или иными опасными заболеваниями.

Угроза уничтожением или повреждением имущества, конечно же, наиболее опасна и встречается чаще. Но разве менее действенна уголовно ненаказуемая угроза незаконным удержанием имущества, угроза похищением имущества, угроза приведением в негодность транспортного средства или угроза угоном автомобиля и т. п.? Угроза уничтожением предметов, не относимых к имуществу, также может служить средством психического насилия, например, угроза уничтожением важных документов, без которых нельзя выехать за границу, совершить требующую нотариального удостоверения сделку, управлять автомобилем и т. п., угроза уничтожить предметы, имеющие духовную личную ценность. А угроза уничтожением рукописи научного, технического или художественного произведения или изобретения, а угроза уничтожением ценной компьютерной информации и т. п.?

Разве не угрозу образует обещание совершить какое-либо действие, которое не предусмотрено законодателем, но образует преступление? Почему угроза причинением тяжкого вреда здоровью – это угроза, а угроза сексуальным насилием – нет? Разве не будет психическим насилием угроза совершением в отношении близких циничных хулиганских действий, и даже если постоянное ее повторение терроризирует потерпевшего? Неужели так безобидна угроза обвинить в совершении, например, тяжкого преступления с предъявлением в органы сфальсифицированных доказательств или угроза дать ложные обвинительные показания либо умолчать об оправдательных?

Если поставить вопрос в более общей форме, то он может быть таким: а разве можно заранее предусмотреть все возможные варианты угроз, да и для чего это необходимо?

В контексте рассматриваемого вопроса примечательна попытка законодателя конкретизировать содержание угрозы при вымогательстве имущества. Статья 208 УК определяет вымогательство как требование передачи имущества или права на имущество либо совершения каких-либо действий имущественного характера под угрозой применением насилия к потерпевшему или его близким, уничтожением или повреждением их имущества, распространением клеветнических или оглашением иных сведений, которые они желают сохранить в тайне. Достаточно конкретное описание видов угроз.

Возможно, именно из-за этой конкретности суды вынуждены прибегать к аналогии, при отсутствии правовых оснований реально осуждая за угрозу совершением хулиганских действий, не связанных с насилием (ругательства по телефону); угрозу похищением детей потерпевшего; угрозу отобрать бóльшую сумму (хищением); угрозу совершением действий, которые повлекут недопуск в заграничное плавание¹.

Именно по этой причине в юридической литературе предлагается расширить содержание вымогательских угроз, включив в него: угрозу не оказать потерпевшему помощь в предотвращении опасности, исходящей от другого источника²; угрозу невозвращением имущества³; угрозу похищением, незаконным завладением или иными незаконными действиями в отношении имущества⁴; угрозу пыткой и истязанием⁵; создание обстановки, заставляющей потерпевшего выполнять требование правонарушителя⁶ и т. п.

Уточнение терминов, безусловно, момент положительный. Однако перечисление всех возможных вариантов угроз представляется нецелесообразным. Помимо излишнего загромождения закона существует опасность того, что вымогатели для избежания ответственности станут прибегать к иным, не учтенным в законе способам воздействия на потерпевшего. В связи с этим предпочтительнее представляется позиция авторов, предлагающих при характеристике угрозы указывать обобщающие признаки. В научной литературе высказаны подобного рода формулировки: ограничить иным путем права, свободы или законные интересы потерпевшего или его близких родственников⁷;

дополнить перечисленные в статье угрозы угрозой совершить иные действия, осуществления которых опасается потерпевший⁸ либо угрозой иных нежелательных последствий для потерпевшего⁹ и т. п. Весьма корректно изложено определение вымогательства в § 253 УК ФРГ: «Кто с применением насилия или с угрозой причинения значительного вреда противоправно принуждает другое лицо»¹⁰.

Очевидно, что особенности отдельных составов преступлений диктуют и различия в криминализации способов психического насилия. Так, грабеж и разбой отличаются именно тяжестью грозящего вреда здоровью, что справедливо. Однако не менее очевидно и то, что сходные ситуации должны быть криминализированы единообразно.

Обратим внимание на сходные во многом составы преступлений: принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 246 УК) и принуждение к выполнению обязательств (ст. 384 УК). Первое преступление предполагает использование угрозы применением насилия к потерпевшему или его близким либо уничтожением или повреждением их имущества при отсутствии признаков вымогательства. Во втором составе принуждение осуществляется под угрозой применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо распространением сведений, способных причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, при отсутствии признаков вымогательства.

Сравнение указанных составов позволяет сделать вывод, что применительно к принуждению к выполнению обязательств криминализирован более широкий круг деяний, поскольку принуждение включает в себя и угрозу распространением сведений, способных причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, чего нет в составе принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения.

Между тем при принуждении к выполнению договорных обязательств, возмещению причиненного ущерба, уплате долга, штрафа, неустойки или пени виновный предъявляет законные требования, а преступность его действиям придает избранный им способ побуждения к выполнению правомерных требований – принуждение. Иначе говоря, преступник принуждает соблюсти закон. Принуждение же к совершению сделки или к отказу от ее совершения всегда является незаконным независимо от способа принуждения, а потому всегда

является более общественно опасным, чем принуждение выполнить законные требования. Таким образом, более общественно опасное действие оказалось менее строго порицаемым уголовным законом, а интересы потерпевшего и его близких – менее защищенными.

Трудно найти в УК и единообразия в криминализации принуждающих средств в зависимости от важности объекта уголовно-правовой охраны. Так, больший объем действий криминализован при угрозе судьбе или народному заседателю, чем при угрозе должностному лицу, выполняющему служебные обязанности. Однако уже применительно, например, к журналистам криминализован более широкий круг угроз, причем даже более широкий, чем при угрозе в отношении рядовых граждан. В отношении одной и той же категории лиц также нарушается учет важности дополнительного объекта посягательства. Так, вымогательство имущества граждан предполагает угрозу применением насилия к потерпевшему или его близким, уничтожением или повреждением их имущества, распространением клеветнических или оглашением иных сведений, которые они желают сохранить в тайне. А в случае, по сути, вымогательства у гражданина органов или тканей для трансплантации принуждением считается только угроза применением насилия к нему или его близким. И это притом, что принуждение гражданина к каким-либо менее значимым действиям наказуемо в уголовном порядке в случае выказывания угрозы ущемлением прав, свобод и законных интересов потерпевшего или близких ему лиц.

Представляется, что устранение отмеченных несогласованностей в УК возможно путем установления единообразного подхода к криминализации принуждения в многообъектных преступлениях в соответствии с его определением в специальной норме УК.

Рассмотрим далее вопрос о том, кому адресована угроза насилем, кто может пострадать от реализации содержащихся в угрозе действий. Системный анализ статей УК приводит к выводу, что законодателем применены три варианта описания принуждения с использованием психического насилия. Во-первых, указывается на сам факт применения психического насилия без конкретизации, к кому оно может быть применено. Например, принуждение к забастовке либо к отказу от участия в ней (ст. 200 УК) является преступлением, если оно совершено «с применением насилия или с угрозой его применения». Во-вторых, в отдельных статьях конкретизируется, что потер-

певшим может быть только принуждаемое лицо. Так, при воспрепятствовании законной профессиональной деятельности журналиста (ст. 198 УК) насилие может применяться только к самому журналисту. В-третьих, в ряде статей принуждающее насилие может применяться как к самому потерпевшему, так и к его близким, например, в составах принуждения (ст. 185 УК), вымогательства (ст. 208 УК); принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 246 УК) и др.

Возможно, законодатель имел в виду, что отдельные категории потерпевших должны быть более стойки в отношении угроз и насилия и не должны менять свое поведение при угрозе причинения вреда их близким лицам. Но, к сожалению, из анализа соответствующих статей невозможно выявить какой-либо закономерности в этом вопросе.

В связи с этим обратим внимание на содержание двух статей УК, а именно ст. 166, устанавливающей ответственность за изнасилование, и ст. 167, которой криминализованы насильственные действия сексуального характера. Оба эти преступления могут быть совершены с применением насилия или с угрозой его применением. Законодатель признал оба вида сексуального насилия равными по степени общественной опасности, определив за их учинение совершенно равные наказания. Вместе с тем при описании насилия в этих составах допущены существенные различия. При изнасиловании психическое насилие выражается в угрозе применением физического насилия как к самой женщине, так и к ее близким, а в составе насильственных действий сексуального характера такое же психическое насилие образует угроза применением физического насилия только к самому потерпевшему или к самой потерпевшей. Следовательно, если женщину принуждают к удовлетворению половой страсти в извращенной форме и при этом угрожают причинить вред не ей самой, а ее ребенку, то такие действия не являются насильственными действиями сексуального характера. Вряд ли такое положение можно признать обоснованным.

Представляется, что во всех статьях УК, в которых речь идет о психическом насилии, следует предусмотреть наказуемость угрозы причинением вреда как самому потерпевшему, так и иным лицам.

Кому угрожают, т. е. адресат угрозы, и к кому угрожают применить насилие – различные понятия. Сама угроза как способ психического насилия всегда адресована тому лицу, на которое непосредст-

венно или через посредство других лиц осуществляется психическое воздействие¹¹. Иными словами, адресатом или получателем угрозы всегда является принуждаемое лицо независимо от того, непосредственно или через посредство иных лиц передана ему угроза. А в качестве лица, к которому угрожают применить насилие, составляющее содержание угрозы, может выступать как сам адресат угрозы, так и иные лица.

В качестве таких иных лиц по УК Республики Беларусь выступают близкие потерпевшему лица. При этом понятие «близкие лица» определено в ч. 2 ст. 4 УК, в соответствии с которой к близким относятся близкие родственники и члены семьи потерпевшего либо иные лица, которых потерпевший обоснованно признает своими близкими.

Содержащийся в этом определении термин «обоснованно» подчеркивает некоторую настороженность законодателя в отношении мнения потерпевшего о близости или не близости ему тех или иных лиц. А вдруг потерпевший признает кого-либо своим близким не обоснованно и его основания следует считать не основательными? И какими критериями следует руководствоваться при определении степени обоснованности «близости»?

Очевидно, именно эти вопросы привели к появлению в отечественной литературе следующего мнения: «потерпевший или лицо, совершившее преступление, теоретически могут без каких-либо веских оснований назвать любое лицо своим близким. Вместе с тем УК не приводит критериев этого обоснования, значит, должностное лицо (дознаватель, следователь, судья и др.) при определении этих критериев будет руководствоваться только субъективным отношением одного лица к другому»¹². Для придания большей определенности уголовному закону предложено определить близких родственников и членов семьи в полном соответствии с Кодексом Республики Беларусь о браке и семье и в соответствии с ним же заменить иных лиц на лиц, состоящих в свойстве.

В научной литературе по уголовному праву большинство авторов считают термин «близкие лица» наиболее удачным и апробированным¹³. Однако при этом можно встретить различные толкования признака «близкие лица» при единстве его законодательного описания.

Крайне ограничительным является мнение, в соответствии с которым к близким относят непосредственно близких родственников (родителей, детей, внуков, деда, бабушку, братьев, усыновителей, усы-

новленных, супругов (сожителей)¹⁴, членов семьи и родственников, хотя бы и живущих отдельно¹⁵.

Предлагаются и обобщающие критерии определения близких лиц: заинтересованность потерпевшего в их судьбе в силу сложившихся обстоятельств¹⁶ либо в силу сложившихся личных отношений¹⁷; связанность тесными отношениями личного характера¹⁸; наличие важной духовной потребности в заботе о лицах¹⁹; лица, которые дороги²⁰, и др.

Встречается в литературе и требование, устанавливать действительность близости между потерпевшим и другими лицами²¹.

Однако чаще всего близкие лица определяются через их примерное перечисление: супруги, дальние родственники, иные родственники, свояки, друзья и их дети, ближайший друг детства, давние знакомые, сожители, жених, невеста, любовник, любовница, однополчанин, совместно проживающие на одной жилой площади лица и т. п. «В исключительных случаях» к близким потерпевшего допускают относить не только родственников, но и иных лиц, поддерживающих с потерпевшим «тесное личное общение»²².

Вместе с тем есть и более радикальные мнения, согласно которым вопрос о том, является ли тот или иной человек близким по отношению к потерпевшему, решается самим потерпевшим²³. Утверждается также, что закон не конкретизирует понятие «близкие лица» и это правильно²⁴, поскольку степень близости не имеет значения²⁵.

По-разному решается вопрос о близких потерпевшему лицах в уголовном законодательстве зарубежных стран.

Так, ст. 214 УК Болгарии к вымогательской относит угрозу в отношении потерпевшего или «его родственников»²⁶. По УК Азербайджанской республики вымогательство предполагает угрозу в отношении потерпевшего или «его близких родственников» (ст. 182)²⁷, аналогично решен этот вопрос и в составе вымогательства в ст. 189 УК Украины²⁸.

Однако указанное ограничение не является характерным, и значительно чаще встречается определение близких, сходное с содержащимся в УК Республики Беларусь. Например, в УК ФРГ установлена ответственность за угрозу совершением преступления в отношении потерпевшего или «его близкого» (ст. 241)²⁹, а по ст. 169 УК Испании наказуема угроза потерпевшему или «его семье или близким ему людям»³⁰.

Вместе с тем встречаются и более лояльные подходы к решению означенного вопроса. Принуждение по УК Голландии (ст. 284) может выражаться в угрозе насилием или угрозе любым другим действием, направленным против потерпевшего или «против других лиц»³¹. Незаконная угроза согласно ст. 5 главы 4 УК Швеции наказуема, если она выказана не только в отношении потерпевшего, но и в отношении «других лиц»³². Вымогательский шантаж определен в ст. 142 УК Эстонской республики как угроза оглашением позорящих сведений о лице, которому высказываются угрозы, или о других лицах³³. Как видим, законодатели этих стран вообще не ограничивают круг возможных жертв насилия.

Существует и еще одна проблема в определении близких лиц. Дело в том, что близость в широком ее понимании может быть односторонней, например безответная любовь. В связи с этим возникает вопрос: кто кому должен быть близким? Вот как решила этот вопрос Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь по одному из дел об убийстве с особой жестокостью по признаку совершения этого преступления в присутствии близких. Знакомая убитого в ее присутствии парня утверждала, что потерпевший «был для нее близким человеком»³⁴. Коллегия исключила признак особой жестокости, поскольку «взаимоотношения между потерпевшим и его знакомой, свидетелем по делу, не давали суду оснований считать, что для потерпевшего она была близким человеком»³⁵. Такое решение основано на понимании п. 10 постановления № 9 Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)», в котором указано, что особая жестокость может выражаться также в совершении убийства в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания³⁶. В соответствии с данным разъяснением страдания должны испытывать близкие потерпевшему лица. Следовательно, при присутствии не близких потерпевшему лиц нет убийства с особой жестокостью независимо от их личного отношения к потерпевшему и испытываемых ими страданий. В приведенном примере знакомая считала убитого близким себе человеком, но Судебная коллегия не нашла оснований считать, что сама знакомая для потерпевшего была близким лицом.

Насколько справедлив такой подход к пониманию близких лиц? Рассмотрим ситуацию с классическим любовным треугольником: он

любит ее, она – его, а ему нравится другая. Если отвергнутый станет убивать его в ее присутствии, и она будет испытывать сильные душевные страдания, то разве это не убийство с особой жестокостью, с особым садизмом? Нет, отвечает существующая практика.

Подобный подход, очевидно, основан на том печальном для характеристики нашей общественной морали основании, что беспокоиться и страдать можно только за близкого человека. Но разве угроза причинить вред здоровью или жизни, например, постороннего вам ребенка, если вы не выполните определенное требование, не заставит вас подчиниться требованию? И разве можно не считать подобные действия психическим насилием? При определенном уровне душевной черствости – можно.

Но в большей мере, чем осуждение поведения виновного, нас должно заботить решение проблемы ответственности лица, поддавшегося такому психическому насилию. Ведь он уже не сможет отговариваться принуждением, поскольку существовала угроза не близкому ему лицу.

Кроме того, уголовно-правовые признаки должны быть в максимальной мере определенными. Хотя существование оценочных признаков и неизбежно, там, где есть возможность, следует обходиться без таких признаков.

Зададимся вопросом, для чего мы устанавливаем степень близости или не близости, как это обстоятельство влияет на оценку поведения угрожающего насилием лица?

Прежде всего отметим, что нельзя формулировать какое-либо правило поведения, опасаясь, что кто-то может его нарушить или злоупотребить им, нельзя подозревать всех потенциальных жертв в готовности обманывать дознавателя, следователя, судью и др., равно как и нельзя формулировать закон, ограничиваясь только интересами доказывания. Но дело не только в этом. Ведь законодатель криминализирует поведение не потерпевшего, а того лица, которое осуществляет насильственное принуждение. Вымогатель основательно выбирает наиболее «болезненные точки» потерпевшего, четко определяет, интересы какого лица настолько важны или близки потерпевшему, что он готов во имя их спасения подчиниться принуждению. Вполне возможно, что угроза причинением вреда некоторым из числа закрепленных в законе родственников или свояков не вызовет никакой реакции у неприязненно относящегося к ним потерпевшего, и, напро-

тив, интересы не родного человека и даже не находящегося в свойстве могут оказаться весьма и весьма важны для потерпевшего. Именно поэтому вымогатель выбирает жертв не по формально закрепленному в законе перечню, а по фактическому отношению между лицами. Причем поведение вымогателя является преступным как в том случае, когда он «угадывает», чьи интересы близки намеченной жертве, так и в том случае, когда вымогатель ошибается. Какое же значение в свете сказанного имеет формальное определение круга потенциальных жертв?

Подчеркнем еще раз, что эффективность и опасность действий вымогателей и т. п. не зависит от того, как правоохранительные органы будут определять обоснованность или необоснованность отнесения какого-либо лица к числу близких. Поэтому выше приведенная позиция законодателя Швеции и Голландии представляется в большей мере соответствующей действительному положению дел.

¹ *Клименко В. А., Мельник Н. И.* Уголовно-правовая борьба с вымогательством индивидуального имущества граждан: Учеб. пособие. Киев, 1993. С. 41.

² Там же. С. 34.

³ *Ахметов Б. И.* Уголовно-правовая борьба с вымогательством и пути повышения ее эффективности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 21.

⁴ *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб., 2002. С. 122.

⁵ *Минская В. С.* О совершенствовании уголовной ответственности за вымогательство // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994. С. 83.

⁶ *Дмитриев О. В.* Криминологическая и уголовно-правовая характеристика вымогательства (по материалам Западно-Сибирского региона): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 17.

⁷ *Лечиев Р. С.* Уголовная ответственность за вымогательство: сравнительно правовой анализ российского и зарубежного уголовного законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2004. С. 10.

⁸ *Клименко В. А., Мельник Н. И.* Указ. соч. С. 41; *Дмитриев О. В.* Указ. соч. С. 22.

⁹ *Абросимов С.* Проблемы ответственности за вымогательство // Законность. 1999. № 5. С. 26.

¹⁰ Уголовный кодекс ФРГ / Пер. с нем. М., 2001. С. 143.

¹¹ *Крылова Н. Е.* Уголовная ответственность за принуждение к донорству органов и тканей человека по законодательству России и Украины // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2004. № 5. С. 46.

¹² Мороз В., Пенкрат В. К вопросу использования отдельных терминов в Уголовном кодексе Республики Беларусь // Судовы веснік. № 3. 2000. С. 63. См. также: Пенкрат В. Ч., Мороз В. В. О единых подходах к определению терминов, используемых в нормативных актах // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2001. № 2. С. 26.

¹³ Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб., 2002. С. 118.

¹⁴ Уголовное право России: Учебник для вузов. В 2 т. Т. 1: Общая часть. М., 1999. С. 446.

¹⁵ Российское уголовное право. Особенная часть. М., 1997. С. 398.

¹⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ. М., 2002. С. 706.

¹⁷ Савельева О. Ю. Ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по российскому и зарубежному уголовному законодательству: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 10.

¹⁸ Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2001. С. 296.

¹⁹ Уголовное право России: Учебник для вузов. В 2 т. Т. 2: Особенная часть. М., 1999. С. 714.

²⁰ Комментарий к Уголовному кодексу РФ. М., 2004. С. 302.

²¹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 413.

²² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2002. С. 830.

²³ Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 705.

²⁴ Курс уголовного права. Особенная часть. Том 3. Учебник для вузов. М., 2002. С. 113.

²⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1998. С. 231.

²⁶ Уголовный кодекс Республики Болгария. Мн., 2000. С. 99.

²⁷ Уголовный кодекс Азербайджанской республики. СПб., 2001. С. 201.

²⁸ Уголовный кодекс Украины. СПб., 2001. С. 165.

²⁹ Уголовный кодекс ФРГ / Пер. с нем. М., 2001. С. 138.

³⁰ Уголовный кодекс Испании. М., 1998. С. 58.

³¹ Уголовный кодекс Голландии. СПб., 2001. С. 382.

³² Уголовный кодекс Швеции. СПб., 2001. С. 45.

³³ Уголовный кодекс Эстонской республики. СПб., 2001. С. 135.

³⁴ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК) (по материалам судебной практики) // Судовы веснік. 2003. № 1. С. 45.

³⁵ Там же.

³⁶ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК): Постановление № 9 Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. // Судовы веснік. 2003. № 1. С. 15.

